



ВЫСОКАЯ радость — пережить мгновения при звучании мелодии, когда забываешь «вечность, небо, землю, самого себя», как забывал Лермонтов при звуках русской народной песни.

И что же, эти божественные звуки — дым из трубки, как иногда говорит Иван Семенович Козловский?

В разговоре с ним я привел слова поэта Ф. Сологуба о знаменитой итальянской певице Аделине Патти: «Никто никогда так не пел, никто петь так больше не будет».

Он сказал:

— Как будут судить потомки о певцах нашего времени, неизвестно. Если бы сейчас начинал Шалапин, то трудно сказать, как бы это воспринималось. Спектакль МХАТ «Анна Каренина» теперь не имел бы такого успеха, какой был в тридцатые годы. Время многое меняет.

Иван Семенович, обладая голосом дивной красоты, достиг в пении величайшего совершенства. Шалапин, который мог слышать его только в записи и по радио, сказал, подчеркивая добродушно-грубоватым тоном речи свое изумление перед силой искусства великого артиста:

— Здорово поет сволочь Козловский!

Ивану Семеновичу — можно сказать словами Толстого, говорившего о Гайде и Шопене, — свойственно «самоотречение артистическое», «смирение, неведение в себя. Это прямо определяет величину». Толстой также сказал: «Смирение — условие совершенства, пример — Пушкин».

Уж, кажется, Иван Семенович мог бы успокоиться, не волноваться за себя, за свое искусство — достиг такой славы, любви, которая мыслима только по отношению к истинно народному артисту; видел столько почитания со стороны корифеев искусства — Л. Собинова, А. Неждановой, Е. Степановой, Л. Оберина, Д. Ойстраха, дирижера В. Сука, В. Качалова; снискал уважение и восторг художников, поэтов, философов.

А он — вечно неспокоен, вечно в работе, одолевая замыслы. Говорит, когда осуществлял постановки Государственного ансамбля оперы на сцене Большого зала консерватории незадолго перед войной, его «распирали от замыслов». Для репетиций зал не был свободен, готовили спектакли ночью.

Кто слышал его Орфея, тот никогда не забудет восторга от колдовских мелодий Глюка. А Иван Семенович говорит:

— Надо было бы петь в другой тональности. М. Максаква, меццо-сопрано, которая чередовалась со мной в партии Орфея, пела на полтора тона ниже. Во времена Глюка все пели ниже на тон, чем мы сейчас поем, — не было той техники в оркестре, какая есть теперь — духовых инструментов.

Эта опера шла в постановке Козловского.

Громадные знания не только в своей профессии, но и в литературе, постоянный интерес к истории, к философии открывают певцу большие горизонты в творчестве.

По телевидению был показан в декабре 1984 года «Евгений Онегин» в исполнении артистов Ленинградского оперного театра имени Кирова. Я сказал Ивану Семеновичу, что, мне кажется, режиссер неправ, предложив певцу изображать Онегина увлеченным дружбой с Ленским, а не охлажденным денди. Особенно это выражается в сцене дуэли: раненый Ленский медленно клонится к земле, Онегин его подхватывает, и тот умирает на руках Евгения.

Иван Семенович рассказал: когда к нему, сраженному выстрелом, приблизился Онегин, он воскликнул — разумеется, зрите-

ли не должны были это слышать: — Не подходите! Не миритесь с публикой посредством моей смерти!

Большая трагедия была бы, продолжал он, одиночество Онегина, так как в таком случае является мысль: кто породил это одиночество? Надо смотреть широко; скептицизм ко всему окружающему — это как у героев Байрона. Именно осознав все это, Онегин ощутил трагедию, и только в конце оперы публика может пожалеть его.

— В искусстве я неуступчив, — говорит Иван Семенович.

Оттого он не всегда был «удобен» для режиссера или дирижера.

Однажды дирижер пришел к нему в антракте в артистическую комнату и предложил петь Ленского так, как он изменил ноты. В фразе «коварна и зла» прибавил ноты, каких не было у Чайковского. Получалась «итальянщина», «цыганщина». Иван Семенович не соглашался, сказал: буду петь, как приготовил.

Все знают, каким шедевром стал у Козловского Юродивый в опере «Борис Годунов». Обду-

Народному
артисту
СССР,
Герою
Социалистического
Труда
И. С. Козловскому —
85 лет



Слыхали ль вы певца любви?..

Александр БАБОРЕКО

мывая эту партию, он многое изучал, а также ходил в Третьяковскую галерею и подолгу стоял перед «Явлением Христа народу» Иванова. Его там даже запомнили. И в недавнее время, когда он опять пришел и остановился перед этой картиной, сотрудница галереи сказала: «А я вас помню, как вы стояли здесь давно-давно...»

Свое восприятие этой роли он выражает так:

— Юродивый, как колосок в поле, качается среди ржи — туда-сюда.

И, говоря это, показал поднятым пальцем, как качается колосок.

— Про меня говорят, — как-то заметил Иван Семенович, — что я будто бы работаю по системе Станиславского.

И тут он перешел к тому, что оперное искусство условно и в нем обнаженный реализм неуместен. Ему ближе режиссерская работа В. Немировича-Данченко.

— Целоваться на сцене — правду — этого исполнительское искусство не требует, — продолжал он. — Надо помнить грань, которую нельзя переходить.

Он не выносит слез и истерики на сцене. А как часто можно видеть сейчас на экране кино и телевизора актрис, которые рыдают! Это бьет по нервам, но не есть доказательство творческого совершенства. Н. Обухова в «Кармен», вспоминает Иван Семенович, не внешними «страстями», а голосом, пением достигала завершенности оперной героини. Не забывать — опере оперное! Когда она готовила партию Кармен, Иван Семенович, сосед Надежды Андреевны по квартире, пел Хозе.

И Анну Каренину, по мнению Ивана Семеновича, нельзя играть истерически. В романе она личность очень сложная, а не только жертва среды, светского общества. Она и пленительна, и в ней, как пишет Толстой, есть что-то «бесовское». Она разбила

жизнь мужа, любовника, загубила детство сына.

Когда Иван Семенович говорит о русской литературе, можно услышать много интересного о Гоголе, Толстом, Достоевском, С. Бунине, по его словам, у него «много точек соприкосновения». Несомненно, одна из таких точек в том, что Бунин был, как говорит он, какой-то «человечный, добрый», в творчестве же — тверд, принципиален, чужд компромиссов. Иван Семенович говорил: «В Бунине я ценю непреклонность».

Многое может поведать Иван Семенович о тех или иных современных поэтах. Он хорошо знал В. Каменского, С. Городецкого, дружил с М. Рыльским.

И. Уткин, А. Жаров, Г. Кржижановский посвящали Ивану Семеновичу свои стихи. Знаком он был и с Маяковским.

Об Ахматовой, с которой Иван Семенович также встречался, сказал:

— Она человек больших измерений. К ней нельзя было приходить посюсюкать.

И к нему так не приходишь. У него — пронзительный и глубокий ум, широта взглядов, во всем — правдивость, неспособность к притворству, к фальши, отсутствие позы, высокомерия. И при всей его требовательности к людям — доброта; многим он помогал.

Иван Семенович изыскан во всем: от него веет изяществом душевным и внешним — в манерах, он верх куртуазности, не напускной, а естественной, не отделимой от всей его личности.

Я спросил Ивана Семеновича, как он относится к стремлению оперных певцов петь на иностранных языках зарубежную классику. Он быстро ответил: «Я против». Он нередко видит в этом что-то показное — желание продемонстрировать свою образованность.

— Когда слова чужой речи, — объясняет он, — не выговариваются четко, звук льется; но если хотят выразительно дать слова,

открываются, впечатление от такого пения сильно снижается. Ведь надо звуком выразить все то, что другой может сказать в обычной речи словами. Само пение — это необычность, это состояние духа человека. Оттого пение более доступно, чем речь. Совершенство — это когда человек на любом языке поет и слово в пении является понятным и гармоничным.

— У Надежды Андреевны Обуховой, — говорит он, — звучание произведений французских и итальянских авторов на языке подлинника было естественным, она прекрасно владела иностранными языками.

У Ивана Семеновича абсолютный музыкальный слух, он до предельной тонкости воспринимает как интонационную сторону музыки, так и ее выразительность. И такой же слух в языке; чувство слова редкостное; речь — русская или украинская — у него сливается с музыкальной мелодией в дивном звучании и обретает какую-то завораживающую силу. Слышаешь — и возникает впечатление; никто так не поет, как он, «Для берегов отчизны дальней...» или «Я помню чудное мгновенье...».

Иван Семенович несет людям высокое искусство, идеально прекрасное, вызывающее изумление и восторг, — это искусство очищающее, дарующее то «божественное просветление», о котором говорил Гёте; и оно столь нужно в век, когда происходит во всем мире такой разрыв с классическим прошлым, пренебрежение гармоническими формами и замена их новыми, нередко — эстетически мало ценными.

Иван Семенович и сейчас поет — с эстрады, для записи; на фирме «Мелодия» он записал в 1984 году оперу Монюшко «Галька», в которой спел партию Ионтека.

Бунин приводит в книге о Толстом слова Гёте, сказавшего, что у людей, особенно одаренных, «мы наблюдаем эпохи особой

продуктивности: у них вновь наступает пора молодения, вторая молодость...». Эти слова невольно вспоминаешь, думая о Козловском.

Неким символом его искусства — искусства гения, одухотворенного высокими идеалами и оттого сопричастного тому прекрасному, чего во все века жаждала душа человеческая, является бронзовая статуэтка на перилах лестницы, ведущей на второй этаж его квартиры: бард с лирой в руках и мечом у пояса, певец и поэт древних кельтов.

Он и сам перевоплощался в благородного рыцаря Лознгрину в опере Вагнера, написанной на легендарный сюжет — по сагам тринадцатого века. Спектакль этот — одно из наиболее радостных воспоминаний Ивана Семеновича, его партнером была Нежданова, дирижировал В. Сук. С Неждановой он пел также в операх «Ромео и Джульетта», «Лакме», «Травиата» и других. Его великими партнерами были, кроме Неждановой и Обуховой, Е. Катильская, по его оценке — первая Травиата в Москве, Е. Степанова, певшая, как он говорит, «божественно».

Когда Иван Семенович пел Вертера, молодые девушки в зрительном зале плакали. Это были слезы восторга. Прекрасная, возвышенная музыка Мас-не вызвала в душе ликующее чувство обновления. Еще Герцен сказал: «Красота восторга лучше всех красот человеческих, ибо тогда человек перестает быть земным и начинает быть небесным...».

«Певец любви» не хочет быть вечным любовником на сцене. Его влекут в искусство также мотивы гражданские, патристические, народные, исторические. Он обдумывал постановку оперы Стравинского на сюжет древнегреческого мифа, послужившего темой трагедии Софокла «Эдип».

Иван Семенович не уединяется от быстротекущей жизни, а живет всеми делами нашего времени. Когда Родина была в опасности, он пожертвовал на оборону один миллион двести тысяч рублей. Председатель Государственного Комитета Оборона благодарил его специальным приказом. Кроме того, за время своего более чем полувекового труда в искусстве он дал несчетное число бесплатных шефских концертов.

Есть сила благодатная
В созвучье слов живых...

Без их «святой прелести» в музыкальном звучании — как жить? Оттого так велика наша благодарность великому певцу.